

Михайлова Светлана Юрьевна

д-р ист. наук, доцент, профессор

Музякова Алина Леонидовна

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШИИ ПЕРИОДА НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

***Аннотация:** на фоне сохранения неослабевающего интереса к изучению истории НЭПа становится актуальным обобщение достижений региональных исследователей в XXI столетии. В статье анализируется современный научный дискурс, посвященный изучению развития экономики Чувашии в 1921–1929 гг. На основе общенаучных принципов историзма и объективности, специально-исторических методов – сравнительно-исторического, ретроспективного и диахронического анализа рассматривается трансформация историографических подходов к изучению реализации НЭПа в регионе: от советской парадигмы с ее акцентом на классовой борьбе и неизбежности социалистического строительства к современным концепциям, опирающимся на микроисторию, социальную историю и историю повседневности. Обосновывается вывод об историческом переосмыслении НЭПа: от восприятия его как временной тактической уступки большевиков – к пониманию этого периода как этапа формирования сложной региональной экономической идентичности под влиянием множества исторических факторов.*

Ключевые слова: НЭП, Чувашия, экономическая история, дискурс.

Интерес к изучению истории новой экономической политики в СССР не угасает вот уже более чем на протяжении столетнего периода. За это время в отече-

ственной историографии было сформировано и институционализировано отдельное обширное направление, получившее в профессиональной среде название «нэповедение». При этом ряд исследователей, отмечая всплески внимания к данной теме и отдельным ее аспектам в связи с различными коренными изменениями в российской истории [1; 10; 24] полагает, что «наши знания о нэпе приблизительны и схематичны» [23, с. 39]. Одним из наиболее очевидных объяснений указанного феномена представляется неоднократно подчеркиваемая в историографии зависимость трактовок НЭПа непосредственно от политической ангажированности и конъюнктурности, а также сохранявшиеся в течение долгого времени в научных трудах тематические и методологические диспропорции, когда реализовывался преимущественно столично-центрированный подход к освещению проблем НЭПа, а региональная специфика оставалась вне поля исследовательских интересов.

Между тем, вполне оправданным представляется допущение В.М. Рынкова, что: «Возможно, реальный нэп является равнодействующей той экономической политики, которая по-разному проводилась в отдельных регионах и в различных отраслях экономики» [15, с. 7]. На наш взгляд, оно верно характеризует сложившийся в последние годы вектор, оценивающий НЭП, в том числе и прежде всего, как сумму региональных практик.

Необходимо отметить, что в целом, несмотря на условия жесткого идеологического давления в рамках марксистско-ленинской догматики и цензуры в советские годы, учеными Чувашии был накоплен и введен в научный оборот огромный массив данных об экономическом развитии региона в период НЭПа, несомненно, заложивший прочный фундамент для последующих научных изысканий в этом направлении [2; 4; 12; 14; 18; 20–22; 24; 25]. Характерным рефреном их трудов была оценка НЭПа как необходимого переходного этапа от Гражданской войны к плановому социалистическому хозяйству. При этом главным субъектом экономической истории выступали государство и партия, сельскохозяйственная кооперация же воспринималась не как самостоятельное рыночное явление, а как инструмент интеграции аграрного сектора в плановую экономику под эгидой

диктатуры пролетариата. НЭП и последующая индустриализация преподносились как единственный путь преодоления вековой экономической и культурной отсталости края, его превращения из аграрного придатка в индустриально-аграрную республику.

Трансформация научных парадигм с конца 1980-х – начала 1990-х гг. и открывшиеся вместе с ней возможности для исследователей породили новые импульсы развития «нэповедения» в Чувашии. Знаковой в этот период стала работа А.Ю. Давыдова с характерным для эпохи перестройки (когда ученые впервые получили возможность открыто ставить под сомнение догматы советской исторической науки) названием «Кооперация периода НЭПа: экономическая целесообразность или идейный диктат», опубликованная в 1991 г. в сборнике статей «Из истории Чувашии советского периода», подготовленном НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской ССР [11]. Эта статья фиксирует момент смены научной парадигмы в изучении региона. Используя архивные данные и материалы прессы 1920-х гг., А.Ю. Давыдов демонстрирует, что экономика страны обладала достаточным потенциалом для рыночной модернизации. Свертывание НЭПа трактуется им не как закономерный этап построения социализма, а как политическое решение, нанесшее удар по эффективно работавшему сектору экономики.

На сегодняшний день опубликовано немало работ, освещающих экономические проблемы НЭПа в Чувашии под новым углом зрения и во взаимосвязи с другими не менее важными аспектами, ранее, как правило, остававшимися вне поля исследовательских интересов: соотношение власти и общества, соотношение государственной и частной собственности, многоукладность экономики, повседневность, этнокультурный и человеческий факторы и др.

Важным шагом в постсоветской региональной историографии стал выход фундаментального труда «История Чувашии новейшего времени» (книга 1, охватывающая период с 1917 г. по 1945 г.), изданного Чувашским государственным институтом гуманитарных наук в 2001 г. Именно эта коллективная монография,

на наш взгляд, послужила основой современного дискурса экономической истории Чувашии периода НЭПа.

В ней впервые на новых теоретико-методологических основаниях и обширного круга источников, в том числе и рассекреченных архивных документов, показана история края в 1921–1929 гг. [13, с. 82–142].

Автором раздела, посвященным периоду НЭПа в Чувашии, В.Н. Клементьевым с опорой на статистические данные детально рассмотрены противоречия этого периода: исследован процесс интеграции отсталой сельскохозяйственной автономии в рыночную среду, показаны структурные барьеры (командные методы ведения народного хозяйства, ужесточение системы планирования, жесткие законодательные рамки деятельности частных предпринимателей, идеологические установки и доктринальное недоверие к частной собственности, дискриминационное налогообложение, низкий агротехнический уровень, устаревшее и изношенное оборудование предприятий, скудость оборотных средств, кадровый дефицит, отсутствие топливно-энергетических ресурсов и пр.), обусловившие низкую эффективность этого процесса.

Основной тезис, характеризующий результаты НЭПа в Чувашии, – восстановление народного хозяйства республики после Гражданской войны, катастрофического голода 1921–1922 гг. действительно состоялось, но оно имело ярко выраженный количественный, а не качественный характер. К 1927 г. экономика республики достигла или превзошла довоенные показатели по основным показателям. К примеру, в аграрном секторе – посевные площади превысили уровень 1913 г., было восстановлено поголовье всех видов скота до довоенного уровня [13, с. 87–88]; в промышленности – были отремонтированы и запущены оставшиеся дореволюционные предприятия. При этом подчеркивается, что «в промышленности восстановительный процесс не был завершен. В 1927/28 г. выпуск продукции в крупной промышленности в денежном выражении составил только 86,7% от уровня 1913 г.» [13, с. 101].

Восстановление сельского хозяйства сопровождалось социально-экономическими изменениями деревни: повсеместно распространились аренда земли,

наем рабочей силы, «возрождались широко распространенный до революции среди крестьянского населения Чувашии уход на отхожие промыслы» [13, с. 88], «наблюдался приход сезонных рабочих из соседних регионов в Чувашию» [13, с. 89].

В качестве ключевого элемента новой экономической политики и инструмента интеграции региона в общесоюзную экономическую систему В.Н. Клементьевым рассматривается кооперативное движение. Так, по его мнению, сельскохозяйственная кооперация «сыграла важную роль в восстановлении крестьянского хозяйства, приспособив его к рынку» [13, с. 93]. При этом главной отличительной чертой чувашской кооперации ученый называет крайне низкую финансовую слабость и зависимость от государства. Государственное вмешательство в жизнедеятельность коопераций носило противоречивый, а в ряде случаев, деструктивный характер: с одной стороны, создавалась благоприятствующая законодательная база, предоставлялись льготы, с другой – партийные органы возлагали на систему кооперации выполнение несвойственных ей социальных обязательств в ущерб коммерческой логике (бесплатная сдача техники в аренду любому крестьянину через прокатные пункты, проведение агрокультурных мероприятий для бедняков, сбыт продукции по государственным закупочным ценам и пр.). Особенно усиливается отрицательное влияние государства на кооперативы во второй половине 1920-х гг. – «требование проведения «строгой классовой линии» отбрасывало не только кооперативный принцип равенства возможностей, но и нэповское признание частного интереса» [13, с. 92]. К концу же 1920-х гг., по мнению В.Н. Клементьева, «почти ликвидировались основные принципы, без которых кооперация переставала быть кооперативной, такие, как самостоятельность, возможность свободного оперирования на рынке» [13, с. 93].

Выходя за рамки сухой статистики, В.Н. Клементьев раскрывает глубокие социальные изменения чувашской деревни в 1921–1929 гг. Историк подчеркивает, что НЭП привел к активному социальному размежеванию. Несмотря на рост зажиточной прослойки в деревне, абсолютное доминирование сохраняли

бедняцкие (56,8%) и середняцкие (40,4%) хозяйства. Причем автором акцентировано внимание на том, что в разрезе критериев ЦСУ СССР того периода «середняк чувашской деревни мало отличался от бедняка русской» [13, с. 89].

По мнению В.Н. Клементьева, преодоление сложного, противоречивого положения деревни с ее аграрной перенаселенностью, низкой урожайностью, бедностью было возможно путем постепенного перехода «к интенсификации сельского хозяйства на базе индивидуального крестьянского хозяйства при широком развитии всех форм кооперации, а не только производственной» [13, с. 93]. Поскольку рыночный путь эволюции аграрного сектора, по убеждению государственного руководства страны, не был способен вывести сельское хозяйство из архаичного доиндустриального состояния, став базой для решения задач форсированной индустриализации, «по отношению к деревне возобладал волевой, конъюнктурный подход» [13, с. 94] – была выбрана линия на коллективизацию.

Отдельно автором рассмотрено влияние финансового оздоровления страны на жизнь региона. Отмечено, что оно способствовало установлению самостоятельного бюджета Чувашской автономии, оживлению торговли, прежде всего розничной. При этом выделена следующая особенность: если в первые годы НЭПа в сфере товарного обращения доминировал частник (в 1923 г. – 76%), то с 1926 г. он вытеснялся из сферы торговли (в 1927/28 г. – 19%) [13, с. 95].

Во второй половине 1920-х гг., по мнению ученого, происходит смещение фокуса финансовой политики: если в начале НЭПа она была направлена на восстановление экономики в целом, то к концу десятилетия она стала инструментом подготовки индустриализации. Так, расходы на развитие промышленности автономии выросли более чем вдвое: с 231,5 тыс. рублей в 1925/26 г. до 623,6 тыс. рублей в 1927/28 г. При этом, «основная их часть шла не на ремонтно-восстановительные работы, как это было в предыдущий период, а на новое промышленное строительство» [13, с. 100]. В качестве предвестника будущей индустриализации автором рассматривается составление первых народнохозяйственных планов-прогнозов, работы по которым в Чувашии стартовали во второй половине 1920-х гг. с привлечением научной общественности.

Несмотря на все усилия по развитию индустрии, как резюмирует В.Н. Клементьев, шло сокращение доли промышленности в экономике Чувашии с 8,5% в 1925/26 г. до 6,7% в 1927/28 г., что свидетельствовало об усилении аграрной специализации региона и нарастании зависимости темпов его индустриализации от состояния сельскохозяйственного сектора [13, с. 105]. При этом последний «не выдерживал той нагрузки, которую возлагала на него политика ускоренного промышленного развития» [13, с. 102], что подтверждалось кризисом хлебозаготовок зимой 1927 г. – весной 1928 г.

В целом, концепция В.Н. Клементьева дает представление о том, как отсталая аграрная Чувашия пыталась встроиться в нэповские рыночные отношения и почему этот эксперимент оказался не столь успешным. Описывая парадоксальную двойственную природу советской экономики 1921–1929 гг., ученый отмечает «странный симбиоз» экономических и командно-административных методов управления, элементами которого были «административно-рыночная система, неэквивалентный обмен между городом и деревней, торможение роста жилищного индивидуального крестьянского хозяйства, хозрасчет в промышленности, действовавший в ограниченном виде; <...> жесткий однопартийный режим с элементами либерализма» [13, с. 105].

Подход В.Н. Клементьева, по нашему мнению, можно охарактеризовать как умеренно-академический: избегая историографических крайностей (от идеализации и апологетики НЭПа как гениального плана до радикального его отрицания), исследователь трактует НЭП не как результат пересмотра политико-идеологических основ правящей партией, а как прагматичный инструмент, вызванный «необходимостью вывода народного хозяйства из кризиса и выживанием режима» [13, с. 104].

Применительно к реалиям Чувашии 1921–1929 гг. интерес вызывает концепция Е.В. Касимова, смещающего исследовательский фокус с макроэкономических показателей на микроуровень – повседневное выживание и психологию крестьянства. Им анализируется отношение крестьян Чувашии к коммунистической партии, косвенно свидетельствующее о социально-экономической обстановке

эпохи и служащее главным индикатором успешности НЭПа [14]. В отличие от классической историографии, как правило, объясняющей свертывание НЭПа политическими решениями руководства или объективными экономическими диспропорциями (кризис хлебозаготовок), его подход вскрывает внутренние механизмы краха политики в специфических условиях Чувашии (хронического земельного голода, особенности психологии чувашского земледельца и пр.), демонстрируя реальную сложность социальных процессов и глубокую пропасть между коммунистической утопией и повседневной жизнью чувашского крестьянства. При этом ученым впервые вводимые в научный оборот ранее засекреченные архивные материалы за 1920-е годы (информационные сводки Чувашского отдела ОГПУ, докладные записки особых отделов и др.) используются не просто как фактологический справочник, а как инструмент верификации данных партийных отчетов, газетных публикаций и официальной статистики того времени [14; 16].

Е.В. Касимов также подвергает комплексному анализу кредитную политику в Чувашии в 1920-х гг., реальный доступ крестьян к финансовым ресурсам и эффективность этих вложений для восстановления подорванного Гражданской войной хозяйства. Им подчеркивается, что распределение кредитов подчинялось идеологической задаче 1920-х гг. – предотвращению социального расслоения и поддержке бедняцких слоев за счет ограничения финансирования зажиточных хозяйств несмотря на риски снижения экономической эффективности аграрного сектора [14].

Обобщающий характер носят работы В.В. Орлова, рассматривающего НЭП в Чувашии как чрезвычайно противоречивый и неоднозначный исторический этап [17–20]. Концепция исследователя, выстроенная на фундаментальном анализе широкого круга источников, представляет НЭП в Чувашии не как период успешного процветания, а как время упущенных возможностей, когда региональная специфика вошла в неразрешимое противоречие с глобальными задачами советского государства.

В работах ученого содержится комплексный анализ социально-экономического развития Чувашии в 1921–1929 гг. во взаимосвязи с этнополитическими аспектами. Изучая сложный процесс формирования национальной политической элиты, он дает критическую оценку ее деятельности, в том числе дискуссиям о выборе стратегии социально-экономического развития Чувашии: «Большинство ее лидеров принадлежало к числу сторонников приоритетного развития аграрного сектора экономики. <...> Аграрная стратегия развития автономии, выбранная центральными органами вопреки решениям XIV съезда партии об индустриализации страны, предопределила стадильное отставание Чувашии от общих темпов социально экономического развития страны» [21, с. 32].

По мнению В.В. Орлова, некомпетентность руководства республики, кризис власти (в Чувашской партийной организации за неполных шесть лет сменилось девять ответственных секретарей обкома партии; руководящая политическая элита Чувашии не могла выбрать из своей среды авторитетного лидера; отсутствие авторитета «временщиков» в центральных органах управления) привели к тому, что ключевые для Чувашии проблемы, связанные с изменением ее статуса, расширением административно-территориальных границ, финансированием программ социально-экономического развития решались на низком профессиональном уровне [21, с. 31].

Характеризуя хозяйственный облик Чувашии, ученый акцентирует внимание на доказательстве системного кризиса автономии, индикаторами которого являлись: отсутствие внутренних источников развития и дотационная зависимость от центра; ориентация дотаций на потребление, а не на развитие; скрытая массовая безработица и аграрная перенаселенность (около 95% населения проживало в сельской местности, местная промышленность не могла абсорбировать избыток рабочих рук); архаичный технологический профиль, при котором рыночные механизмы были способны лишь консервировать старые формы хозяйствования, но не могли запустить индустриализацию; отсутствие тяжелой промышленности, а значит невозможность производить даже простейшие средства производства для собственных нужд (плуг, гвоздь); бессилие рыночных механизмов, когда

в условиях отсутствия капитала и технологий рынок мог лишь поддерживать старое хозяйство (к примеру, ремонтировать мельницы), но был не способен построить современное промышленное предприятие.

Вывод исследователя сводится к тому, что экономика и социальная сфера Чувашии в 1921–1929 гг. демонстрировали всесторонний коллапс: ни один из значимых макроэкономических параметров не достиг уровня 1913 г. Среди причин упадка народного хозяйства Чувашии В.В. Орлов, помимо однобокой стратегии развития автономии на базе аграрного сектора, архаичности технологического и структурного профиля экономики, называет доминирование идеологических приоритетов над объективной экономической целесообразностью [21, с. 39], хотя «введение нэпа отвечало интересам большинства жителей Чувашии, где удельный вес крестьян составлял 91,7%» [21, с. 40].

В.В. Орлов формулирует теорию «чувашского тупика», согласно которой национальная государственность, сконструированная на этнокультурной, а не хозяйственно-экономической основе, изначально обрекла регион на инфраструктурную изоляцию, малоземелье и аграрную перенаселенность [21, с. 43].

Исследуя причины неуспешности НЭПа, ученый указывает на ключевой социально-психологический фактор – формирование глубокой социальной апатии как следствие регионального опыта военного коммунизма. Институциональное насилие (жестокое подавление восстания безоружных чувашских крестьян в январе 1921 г.) и фискальный произвол властей спровоцировали тотальное неверие в советские идеалы, что обесценило управленческие практики периода НЭПа, сведя их эффективность к нулю [21, с. 43].

В.В. Орлов рассматривает экономический кризис 1920-х гг. через призму его социальных последствий. Массовый голод (до конца 1926 г.), неграмотность, нищета и социальные болезни, порожденные отрывом реформ от действительности, сформировали глубокое разочарование населения в НЭПе. Вводя понятие «антимодернизационного фактора», автор утверждает, что этот психологический надлом препятствовал поступательному развитию экономики [21, с. 45].

Анализ В.В. Орловым региональной специфики НЭПа демонстрирует обреченность реформ, игнорировавших уровень экономического развития территории. По оценке исследователя, дозированное включение рыночных отношений оказалось неэффективным, а курс на укрупнение производства (трестирование) и ликвидацию частной инициативы лишь усугубил кризис. Неспособность партийно-государственной линии решить проблему острой нехватки капиталов, материалов и специалистов привела к структурной деградации: Чувашия окончательно утратила статус товарного аграрного региона, превратившись в зону внутреннего потребления хлеба [21, с. 44].

Опровергая тезис об экономической исчерпанности НЭПа, В.В. Орлов объясняет свертывание НЭПа опасением власти реставрации буржуазных порядков и стремлением предотвратить политическую либерализацию. Форсированная индустриализация и коллективизация стали основами административно-командной системы, генезис и директивные методы управления которой были сформированы в 1921–1929 гг. [21, с. 45].

Несмотря на все противоречия, в региональной историографии НЭП часто рассматривается как период, обладавший модернизационным потенциалом. Один из ведущих специалистов по истории кооперативного движения в Чувашии О.Г. Вязова исследует возможности кооперации для обеспечения устойчивого роста региональной экономики. Отходя от взгляда на кооперацию как на сугубо экономический инструмент, исследовательница анализирует широкий круг вопросов: особенности развития сельскохозяйственной кооперации Чувашии, особенности государственной и партийной кооперативной политики, культурно-просветительскую роль кооперативов, участие женщин в кооперации, их вовлечение в общественное производство и управление, трансформацию кустарных промыслов чувашских крестьян под влиянием рыночных отношений, вклад кооперации в Чувашии в борьбу с голодом 1921–1922 гг. В ее работах кооперация предстает как сложный социально-культурный институт, оказывавший влияние на хозяйственные показатели, социальную структуру, гендерные отношения и национальную культуру автономии [3–9].

Экономическая история Чувашии 1921–1929 гг. рассматривается современными учеными также через призму становления государственного аппарата и государственных структур. Так, в 2012 г. С.В. Гончаровой была защищена кандидатская диссертация на тему «Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг.» [10]. Исследовательница, анализируя деятельности органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в условиях НЭПа, делает «вывод, что в первой половине 1920-х гг. поддержка рыночных принципов в экономике региона со стороны хозяйственных ведомств была минимальной, а во второй половине десятилетия она вовсе была сведена на нет» [10, с. 21]. С.В. Гончарова также исследует реализацию государственных землеустроительных работ в 1920-е гг., особенно актуальную для Чувашии того периода в силу ряда факторов – сохранившегося общинного землепользования, высокой плотности населения и малоземелья [10].

Характерная черта современных работ историков – попытки переосмысления хронологических рамок НЭПа, вызванные несоответствием между официальной политической датировкой и реальными экономическими процессами на местах. К примеру, по мнению В.В. Орлова, если общесоюзный НЭП относительно последовательно длился около 7–8 лет, то в Чувашии рост экономических показателей произошел только после преодоления голода 1921–1922 гг., а значит реальный временной промежуток реализации принципов НЭПа (рыночный обмен, накопление капитала) оказался сжатым примерно в 5 лет (1923–1927 гг.), прежде чем произошла переориентация на задачи коллективизации [16].

Таким образом, современный дискурс трансформирует восприятие экономической истории Чувашии в 1921–1929 гг., рассматривая ее не как линейный хозяйственный процесс, а как сложную многофакторную систему, детерминированную совокупностью локальных политических, этносоциальных и культурных переменных. При этом направленность исследований эволюционирует в русле общероссийской историографической парадигмы: фокус изучения смещается с федерального центра на регионы при одновременном отказе от упрощенных схем

предшествующих теоретико-методологических установок, когда НЭП рассматривался исключительно как временный тактический и вынужденный маневр в рамках марксистско-ленинской историографии, или как упущенная рыночная альтернатива тоталитаризму в радикально-либеральных трактовках 1990-х гг. Следует заметить, что обновление дискурса стало возможным благодаря расширению источниковой базы – введению в научный оборот рассекреченных архивных документов, что позволило ученым обратиться к фундированному изучению табуированных аспектов НЭПа.

В центре внимания исследователей находится ряд актуальных вопросов: механизмы влияния малоземелья и высокой плотности населения на восприятие крестьянами рыночных реформ; трансформация кооперации из двигателя рынка в инструмент государственного распределения; а также роль языкового барьера и нациестроительства в замедлении реализации политики центра и др.

Комплексность научного осмысления исторического опыта 1921–1929 гг. базируется на нескольких ключевых исследовательских векторах: отказе от макроэкономического детерминизма, когда на первый план выходит анализ экономической повседневности (бюджетов чувашских крестьянских хозяйств, структуры потребления, цен), социальной стратификации (реального расслоения деревни), человеческого фактора (мотивации экономических агентов); этнокультурных особенностей (экономики через призму политики коренизации); роли институтов (кооперации, местного аппарата управления); демографической катастрофы 1920-х гг. и ее последствий; географической специфики и инфраструктурных ограничений Чувашии 1920-х годов (отсутствие промышленности, экстенсивный характер земледелия, логистическая изоляция, энергетический голод и пр.).

Отказываясь от узкоэкономических трактовок, современные исследователи убедительно доказывают, что определяющую роль сыграла совокупность уникальных условий региона. Именно детальный анализ повседневного саботажа, теневых практик хозяйствования и этнокультурного ландшафта и других особенностей позволяет раскрыть истинную специфику автономии Чувашии в период НЭПа.

Список литературы

1. Бакшеев, А. И. «Под давлением идеологии»: Отечественное сельское хозяйство 1920-х годов в советской историографии 1920-х – начала 1950-х годов / А. И. Бакшеев, А. Г. Рогачев // Известия лаборатории древних технологий. – 2022. – Т. 18, № 1 (42). – С. 209–218.
2. Бойко, И. И. Индустрия и рабочий класс Чувашии за 70 лет / И. И. Бойко // Чувашской АССР – 70 лет : сб. ст. – Чебоксары, 1990. – С. 35–63.
3. Вязова, О. Г. Жилищная кооперация: роль в улучшении бытовых условий жизни чебоксарцев в 20–30-х годах XX века / О. Г. Вязова. – Чебоксары : история, этнография, культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары, 2019. – С. 158–163.
4. Вязова, О. Г. К вопросу о национальных особенностях в развитии сельскохозяйственной кооперации Чувашии в годы новой экономической политики / О. Г. Вязова // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении : материалы VIII Межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Чебоксары, 2005. – С. 271–276.
5. Вязова, О. Г. Кооперация Чувашии в борьбе с голодом 1921–1922 гг / О. Г. Вязова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2007. – № 3 (17). – С. 162–164.
6. Вязова, О. Г. Местная власть и кооперация Чувашии в годы НЭПа / О. Г. Вязова // Новый исторический вестник. – 2009. – № 1 (19). – С. 54–60.
7. Вязова, О. Г. Неизвестная страница в истории кооперации советской России: становление кооперативной системы социального обеспечения / О. Г. Вязова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 11 (79). – С. 369–375.
8. Вязова, О. Г. Особенности формирования кооперативной системы Чувашии / О. Г. Вязова // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 7. – С. 3–9.

9. Вязова, О. Г. Сельскохозяйственная кооперация Чувашии в годы новой экономической политики / О. Г. Вязова // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья : сб. материалов VI Регион. науч. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 342–349.
10. Гончарова, С. В. Деятельность органов управления сельским хозяйством Чувашии по проведению землеустроительных работ в 1920-е годы / С. В. Гончарова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 19–22.
11. Гончарова, С. В. Формирование и деятельность органов управления промышленностью и сельским хозяйством Чувашии в 1920-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. В. Гончарова. – Чебоксары, 2012. – 22 с.
12. Давыдов, А. Ю. Кооперация периода НЭПа: экономическая целесообразность или идейный диктат / А. Ю. Давыдов // Из истории Чувашии советского периода: сб. ст. – Чебоксары, 1991. – С. 39–52.
13. История промышленности и рабочего класса Чувашии: в 2 ч. Ч. 1: 1861 г. – июнь 1941 г / В. П. Рожнов, А. В. Изоркин, С. Н. Хаймулин, Г. И. Иванов ; науч. ред. и авт. предисл. А. В. Изоркин. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1978. – 238 с.
14. История Чувашии новейшего времени. Кн. 1: 1917–1945. – Чебоксары, 2001. – 261 с.
15. История Чувашской АССР. Т. 2: От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. – Чебоксары, 1967. – 279 с.
16. Касимов, Е. В. Отношение крестьянства Чувашии к коммунистической партии в годы новой экономической политики / Е. В. Касимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6–1 (12). – С. 103–105.
17. Касимов, Е. В. Кредитная политика Советского государства как инструмент регулирования сельскохозяйственного производства в Чувашии в годы НЭПа / Е. В. Касимов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2012. – № 7. – С. 52–68.

18. Круглый стол «НЭП – итоги и перспективы изучения» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2021. – Т. 28, № 4. – С. 5–17.
19. Миловидова, Н. В. Нэповская модель российской модернизации 1920-х годов: историографический аспект / Н. В. Миловидова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – Т. 20, № 6. – С. 104–107.
20. Орлов, В. В. Голод 1920-х годов в Чувашии: причины и последствия / В. В. Орлов // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 106–117.
21. Орлов, В. В. К дискуссии об основных направлениях социально-экономического развития Чувашии в годы нэпа / В. В. Орлов // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 13. – С. 39–42.
22. Орлов, В. В. Промышленность Чувашии в годы НЭПа: основные проблемы и итоги развития / В. В. Орлов // Региональная экономика: теория и практика. – 2008. – № 30. – С. 43–52.
23. Орлов, В. В. Формирование местного бюджета Чувашии и финансирование программ ее социально-экономического развития в годы НЭПа / В. В. Орлов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2006. – № 1. – С. 38–61.
24. Орлов, В. В. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX века / В. В. Орлов. – Москва, 2009. – 395 с.
25. Орлов, В. В. Этнополитическое и социально-экономическое развитие Чувашии в 20-е годы XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / В. В. Орлов. – Казань, 2009. – 48 с.
26. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. 1. – Чебоксары, 1989. – 302 с.
27. Фельдман, М. А. Современная историография нэпа: столетия не хватило / М. А. Фельдман // Новая и новейшая история. – 2022. – № 3. – С. 27–41.
28. Яхутль, Ю. А. Проблемы нэпа в отечественной историографии / Ю. А. Яхутль // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 1. – С. 41–48.